

Засодимский Павел Владимирович

Долина слез

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Долина слез / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-519-85815-1

ISBN 978-5-519-85815-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ные, какъ багровымъ заревомъ, красноватымъ свѣтомъ огней, рѣзко выступаютъ на темномъ фонѣ ночного неба.

Во дворцѣ замѣтно большое движеніе. На улицахъ и на площадяхъ толпы народа, какъ будто въ ожиданіи чего-то, безмолвствуютъ.

Азраиль, неумолимый Ангелъ Смерти, снизошелъ сегодня ночью на дворецъ.

Воины съ факелами появляются изъ дворца и расходятся въ разныя стороны. На улицахъ и на площадяхъ они громкимъ голосомъ объявляютъ народу:

— Умеръ нашъ великій Амру! Умеръ нашъ славный, могучій, мудрый властитель! На престолъ вступилъ его достойный сынъ, юный, прекрасный Абу-Джебель!

— Да покроетъ позоръ лица враговъ великаго Амру! Да хранитъ Аллахъ Абу-Джебеля!—кричали воины, помахиная факелами и разсыпая вокругъ золотистыя искры.

— Да хранитъ Аллахъ Абу-Джебеля!—покорно вторила толпа.

Черезъ нѣсколько дней великаго Амру похоронили. Торжественны, роскошны были похороны. Траурныя знамена развѣвались, печально звучали трубы. Плакальщицы рвали волосы, раздирали на себѣ одежды и, громко рыдая, восклицали:

— Навсегда Амру покинулъ насъ! Горе намъ!.. О, Азраиль! Зачѣмъ похитилъ ты Амру?

Старый Абдуллахъ, первый сановникъ и ближайшій совѣтникъ Амру, въ блестящей рѣчи перечислилъ всѣ добрыя дѣянія и славные подвиги усопшаго владыки.

Обращаясь къ трупу, онъ медленно, внушительно говорилъ:

— Когда Исфраиль въ день воскресенія мертвыхъ на всю вселенную затрубитъ въ свою трубу, и могучіе звуки его трубы отдадутся въ темныхъ нѣдрахъ горъ и въ глубинѣ морей, тогда ты, Амру, возстанешь для по-

вой жизни, а враги твои останутся во мракѣ могилъ! Злой Азазилъ не посмѣетъ приблизиться къ тебѣ, и Рушванъ разверзнетъ передъ тобой врата рая. Воздухъ, напоенный дивнымъ ароматомъ цвѣтовъ, тихій шелестъ листьевъ райскихъ деревьевъ и сладостное пѣніе гурій будутъ навѣвать на тебя чудныя грезы... И ты будешь блаженствовать вѣчно, и того блаженства невозможно выразить... Блѣденъ, бѣденъ для того нашъ человѣческій языкъ...

Жизнь молодого Абу-Джебеля пошла обычнымъ чередомъ: совѣщанія съ приближенными о дѣлахъ страны, пріемъ пословъ, воинскія игры, охота, любовь гаремныхъ женъ—невольницъ, празднества, пиры, ночныя сладострастныя оргіи въ тѣни роскошныхъ, благоухающихъ садовъ, залитыхъ серебристымъ луннымъ свѣтомъ...

III.

Однажды во время охоты на львовъ Абу-Джебель съ сопровождавшей его многочисленной свитой и съ отрядомъ воиновъ проникъ въ глухую, малонаселенную, гористую мѣстность.

Путникамъ пришлось долго взбираться на высокую, крутую гору. Поднявшись на ея вершину, Абу-Джебель вздрогнулъ и, круто натянувъ поводья, осадилъ своего коня.

Передъ нимъ на далекое разстояніе разстиралась каменная, пустынная долина, мрачная и зловѣщая... Пучки пожелтѣвшей травы, да тамъ и сямъ жалкія, полусохшія деревья...

И темныя облака низко ходятъ надъ долиной, отбрасывая на нее густую тѣнь...

Мрачны окружающія ея горы, лишены растительности. Угрюмо надъ нею небо... Гробовое молчаніе надъ нею царить...

Черный воронъ летаетъ надъ нею...

— Какое страшное, печальное мѣсто!—промолвилъ Абу-Джебелъ и, обратившись къ своимъ спутникамъ, спросилъ:

— Что это за мѣстность? Какъ называется она?

— Это—Долина Слезъ!—отвѣтилъ ему старый военачальникъ Сеидъ, извѣстный своею откровенностью и прямою.

— Странное названіе!..—проговорилъ Абу-Джебелъ.

— Но почему же это мѣсто зовутъ Долиной Слезъ?—немного погодя, спросилъ онъ.

— Потому что слезы, проливаемые людьми, стекаютъ сюда со всей страны,—сказалъ Сеидъ.—Слезъ такъ много, что ими пропитана вся почва этой долины, и слезы такъ горьки, что здѣсь, какъ видишь, ничто не можетъ расти... Все здѣсь засыхаетъ и гибнетъ...

Абу-Джебелъ нахмурилъ свои густыя темныя брови и задумчиво, угрюмо смотрѣлъ на разстилавшуюся передъ нимъ картину.

Онъ былъ еще молодъ, чувствителенъ,—и эта мрачная картина сильно поразила его воображеніе. Эта ужасная Долина Слезъ, какъ темный призракъ, среди сіяющаго дня, неожиданно возстала передъ нимъ.

Абу-Джебелъ опустил поводья, схватился рукой за луку сѣдла и, подавшись впередъ, слегка склонивъ голову, пристально всматривался вдаль, въ глубь долины, всматривался такъ напряженно, какъ будто ожидалъ увидѣть тамъ — посреди сѣрыхъ и черныхъ скалъ — ручьи людскихъ слезъ. Такъ онъ долго оставался погруженнымъ въ глубокую задумчивость.

Взглядъ его красивыхъ темныхъ глазъ затуманился, брови еще болѣе нахмурились, и тяжелая, мучительная дума на мгновенье отразилась на его юношескомъ лицѣ.

Абдуллахъ искоса, съ недовольнымъ видомъ посматривалъ на него украдкой.

А Гассанъ, сверстникъ и любимецъ молодого правителя, на ту пору отвелъ въ сторону стараго Сеида и сталъ о чемъ-то оживленно бесѣдовать съ нимъ.

— Странно!.. Плачущихъ я нигдѣ не вижу... все такія веселыя, радостныя лица... Но не вѣрить Сеиду не могу! Старикъ правдивъ... Откуда же столько слезъ? съ недоумѣніемъ спросилъ Абу-Джебель.

Молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Отчего же, я спрашиваю, эти слезы? И почему ихъ такъ много?—снова заговорилъ Абу-Джебель.

— Одни люди страдаютъ, плачутъ, другіе счастливы и веселятся... Смѣхъ и слезы, свѣтъ и тѣни,—все такъ ведется въ мірѣ.. и не со вчерашняго дня, а испоконъ вѣковъ! Такъ будетъ и черезъ сотни лѣтъ, когда отъ насъ и костей не останется!—сказалъ Али, сытый, веселый мудрецъ, довольный своею судьбой.

— Такъ угодно Небесамъ!—со вздохомъ замѣтилъ старый Абдуллахъ.

— Страданья не могутъ быть угодны Небу! возразилъ Абу-Джебель.—Нѣтъ, не вѣрю тому...

— Не хочу, чтобы въ моихъ владѣніяхъ была Долина Слезъ! громко и рѣшительно заговорилъ онъ, обращаясь къ своей свитѣ и указывая рукой на пустынную долину.—Пусть здѣсь трава зазеленѣетъ, зацвѣтутъ цвѣты, пусть деревья покроются густою листвою, пусть въ вѣтвяхъ ихъ защебечутъ птицы,—и долина оживетъ!.. Не надо Долины Слезъ! Не хочу ее видѣть.. Дѣлайте, что хотите, чтобы только не было ея... Слышите?

— Мы—рабы твои. Твоя воля—законъ для насъ! отвѣтили ему окружавшіе.

— Дитя скучаетъ... само не знаетъ, чего хочетъ! проворчалъ старый Абдуллахъ, поглаживая въ раздумьи

сѣдую бороду.—Надо его развлечь, дать ему какихъ нибудь новыхъ игрушекъ...

IV.

Сендъ сказалъ правду. Много слезъ проливалось въ той странѣ, потому что въ ней было много неправды, неправосудія, жестокостей и насилія.

Старый Абдуллахъ, по возвращеніи домой, долго наединѣ совѣщался съ Гассаномъ, и эти таинственные совѣщанія кончились тѣмъ, что Абдуллахъ во исполненіе воли молодого правителя взялся за дѣло. Абу-Джебель хотѣлъ, чтобы меньше слезъ текло въ его владѣніяхъ... Да! Но отирать слезы у страдальцевъ, утѣшать горюющихъ, защищать слабыхъ, помогать обездоленнымъ, обезоруживать насильниковъ, водворять правду—Абдуллахъ былъ не способенъ. Справедливость, милосердіе, состраданіе къ несчастнымъ ему были неизвѣстны; онъ не зналъ словъ утѣшенія, для него не было ни добра, ни зла,—и помышлялъ онъ только о самомъ себѣ, о своемъ благополучіи—о накопленіи золота и серебра въ своихъ подземельяхъ. Онъ повелъ дѣло по своему...

Поздней ночью, подъ покровомъ тьмы, Абдуллахъ созвалъ къ себѣ военачальниковъ, угощалъ ихъ и долго съ ними бесѣдовалъ. На разсвѣтѣ, когда на востокѣ загорѣлась заря, отряды вооруженныхъ воиновъ пустились въ путь и разсѣялись по всей странѣ.

Воины были дики и кровожадны, какъ звѣри. Приказаніе, данное имъ военачальниками, вполне соответствовало ихъ душевнымъ наклонностямъ. Они должны были истреблять всѣхъ, у кого увидятъ на глазахъ слезы.

И всѣхъ плачущихъ—людей безоружныхъ, беззащитныхъ — воины стали подвергать жесточайшимъ истязаніямъ. При видѣ блеснувшей слезы они приходили въ ярость, въ неистовство и часъ отъ часу все болѣе свирѣпѣли, какъ взбѣсившіеся псы. Они безъ пощады избивали плачущихъ—мужчинъ, женщинъ, старцевъ и дѣтей, кололи, рубили ихъ, жгли, вѣшали, топили, живыми въ землю закапывали, вырывали глаза у плачущихъ... Особенно же воины неистовствовали надъ плачущими дѣтьми. На глазахъ матерей они разбивали младенцамъ головы о камень.

Съ лицами забрызганными кровью, съ руками по локоть въ крови, эти озвѣрѣвшіе люди рыскали по всей странѣ, ища добычи для себя, работы для своихъ мечей. Они проходили города, села, заглядывали въ самые глухіе уголки и все высматривали, не блещать ли у кого нибудь слезы на глазахъ.

Теперь вмѣсто слезъ потекла кровь.

Усталые, съ притупившимися мечами, опьяненные запахомъ свѣжей крови, обильно пролитой ими, возвратились они домой. Старый Абдуллахъ щедро наградилъ ихъ и сказалъ:

— Вы сдѣлали свое дѣло прекрасно, а теперь молчите!

На первыхъ порахъ Абу-Джебель вспоминалъ о Долинѣ Слезъ и спрашивалъ своего любимца:

— Приводится ли въ исполненіе моя воля? Меньше ли льется слезъ въ моихъ владѣніяхъ?

— Ужъ если Абдуллахъ взялся за дѣло, то можешь спать спокойно! отвѣчалъ съ увѣренностью Гассанъ.

И Абу-Джебель спокойно спалъ...

Порой стали доходить до него какіе-то смутные слухи о жестокостяхъ, объ ужасныхъ насиліяхъ, гдѣ-то творимыхъ кѣмъ-то.

— Правда ли это? спрашивалъ онъ Гассана.

— Думаю, что все это—ложь, однѣ пустя вы-

думки...—отвѣчалъ тотъ.—Впрочемъ, надо Абдуллаха объ этомъ спросить!

Позвали Абдуллаха:

— Никакихъ жестокостей не было и нѣтъ! твердымъ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ Абдуллахъ.— Плачущихъ стало меньше... и все благополучно!

Абу-Джебель не совсѣмъ довѣрялъ Абдуллаху. Но... зачѣмъ ужъ было такъ тревожиться, такъ беспокоить себя...

Ему, Абу-Джебелю, живется хорошо. Онъ сладко ѣсть и сладко пьеть, пьеть виноградное вино, пьеть поцѣлуйи съ женскихъ устъ... У него храброе войско для защиты отъ враговъ,—далеко разящія стрѣлы, копья, мечи. Несмѣтныя сокровища хранятся въ его тайникахъ. Въ гаремѣ подъ присмотромъ строгихъ евнуховъ сотни красавицъ ждуть его ласки, тысячи смиренныхъ, покорныхъ рабовъ по одному его мановенію готовы другъ другу перегрызть горло, готовы въ огонь и въ воду, на все готовы. Ему отъ всѣхъ—безпрекословное повиновенье, ему почетъ, ему поклоненіе, какъ божеству, ему и женская любовь...

Жизнь для него несется, какъ свѣтлая, быстрая рѣка, незнающая въ своемъ теченіи никакихъ препятствій, никакихъ препонъ. Пирь, охоты, игры, всевозможныя наслажденія...

„Мигъ желанья—мигъ осуществленья“.

А Долины Слезъ не было у него передъ глазами. И Абу-Джебель скоро совсѣмъ позабылъ о ней...

V.

Шли мѣсяцы, шли годы...

Дѣла по управленію страной, войны съ сосѣдями,

походы, битвы, то побѣды, то пораженія, пиры, празднества, охоты на львовъ и тигровъ, воинскія игры, посѣщенія гарема, упоеніе женскою любовью, всякія забавы, развлеченія—вотъ что, какъ въ пестромъ и блестящемъ, быстро вращающемся калейдоскопѣ, наполняло жизнь Абу-Джебея.

Летѣли дни за днями, день смѣнялся ночью, лѣто смѣнялось зимою. Прошло тридцать лѣтъ.

Абу-Джебель и незамѣтилъ, какъ подкралась старость.

Румянецъ уже давно поблекъ на его щекахъ. Глубокими морщинами покрылось его желтовато-блѣдное лицо. Борода посеребрилась сѣдиной. Глаза потускли, и хотя въ минуты гнѣва въ его очахъ попрежнему вспыхивалъ огонь, но въ немъ, въ этомъ огнѣ, уже не было прежней яркости и силы. Женскія объятія его уже не манили—съ видомъ усталости и пресыщенія онъ ласкалъ своихъ красавицъ. Онъ позналъ старческія немощи...

Блестящая феерія приближалась къ концу.

Бенгальскіе огни одинъ за другимъ потухали. На картинѣ выступали темныя пятна и становились все виднѣе и виднѣе...

Гассанъ, любимецъ Абу-Джебея, также состарѣлся, одряхлѣлъ и даже болѣе, чѣмъ его властитель, походилъ на человѣческую развалину.

Другой его любимецъ—бѣлый арабскій конь—околѣлъ.

Абдуллахъ давно исчезъ изъ міра: онъ былъ убитъ рабомъ.

И вздумалось подъ старость Абу-Джебелю объѣхать свои обширныя владѣнія. Онъ сказалъ о своемъ намѣреніи Гассану, и тотчасъ же тайкомъ разослалъ гонцовъ повсюду—даже до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ. Гонцы должны были предупредить народъ о предстоящемъ путешествіи Абу-Джебея и приготовить ему пышную встрѣчу...

Въ городахъ, въ селахъ, по дорогамъ—по всему пути шествованія Абу-Джебеля толпы ликующаго народа выходили навстрѣчу. Мужчины, женщины, дѣти, старцы, несчастные калѣки—безрукіе, безногіе, влачившіеся въ пыли на краю дороги, даже прокаженные и бѣсноватые при видѣ Абу-Джебеля кричали:

— Да хранить тебя Аллахъ отнынѣ и до вѣка! Да не померкнетъ слава твоя, да живетъ она изъ рода въ родъ!

Даже нѣмые отъ рожденія разѣвали ротъ и шамкали губами.

Дѣвы устилали ему путь цвѣтами.

Пѣвцы восхваляли его мудрость, мужество и величіе.

Воистину это было триумфальное шествіе...

Абу-Джебель въ блестящемъ одѣяньѣ, горѣвшемъ золотомъ и драгоценными каменьями, на бѣломъ арабскомъ конѣ, украшенномъ перьями и нитями жемчуга, въ сопровожденіи великолѣпной свиты и многочисленнаго отряда вооруженныхъ воиновъ, ѣхалъ словно побѣдитель, а покоренные народы склонялись передъ нимъ.

Люди съ благоговѣніемъ, какъ передъ божествомъ падали передъ нимъ ницъ—почти подъ копыта его коня...

Наконецъ, шествіе достигло малонаселенной, гористой мѣстности, и Абу-Джебель въ сопровожденіи свиты опять поднялся на ту возвышенность, откуда открывался видъ на Долину Слезъ.

И опять, какъ въ первый разъ, Абу-Джебель вдрогнулъ и круто остановилъ коня на краю стремнины. Онъ вспомнилъ, что посѣтилъ это мѣсто тридцать лѣтъ тому назадъ, когда былъ молодъ, силенъ, когда вся жизнь была еще впереди. А теперь... Глаза худо видятъ, руки ослабѣли, дрожатъ, тѣло пришло въ ветхость, износилось и вмѣстѣ съ тѣломъ, казалось, износилась и душа.

Нахмурился Абу-Джебель. Грустно ему стало...

А Долина Слезъ стала еще бесплоднѣе, еще пустыньѣе, чѣмъ прежде. Даже пучки пожелтѣвшихъ былинъ исчезли. Деревья совсѣмъ посохли. Нѣкоторые изъ нихъ, поваленныя бурей, какъ трупы, лежали на землѣ, распластавъ свои безжизненные вѣтви.

— Что жъ это...—заговорилъ Абу-Джебель, смотря на знакомую мрачную картину.—Прежде, я помню, здѣсь было хоть немного травы и на деревьяхъ инныя вѣтви зеленѣли... А теперь ужъ все мертво!

— На то воля Аллаха! пробормоталъ Гассанъ.

Сердце Абу-Джебеля зачерствѣло. Абу-Джебель промолчалъ, не промолвилъ болѣе ни слова и, махнувъ рукой, тронулъ своего коня.

— Скоро наступитъ часъ, когда и вся страна превратится въ Долину Слезъ! раздавался вѣщій голосъ изъ-за скалы.

Абу-Джебель сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, круто повернулъ коня и сталъ спускаться съ горы.

Гассанъ сдѣлалъ знакъ одному изъ воиновъ, и тотъ заглянулъ за скалу.

Тамъ лежалъ старикъ—нищій.

— Ты больше не будешь пророчествовать! съ яростью прошепталъ воинъ и, схвативъ камень, заткнулъ имъ ротъ старику.

И съ той поры гробовое безмолвіе объемлетъ Долину Слезъ.

Надъ нею попрежнему несутся низко нависшія, темныя облака и попрежнему летаетъ черный воронъ

